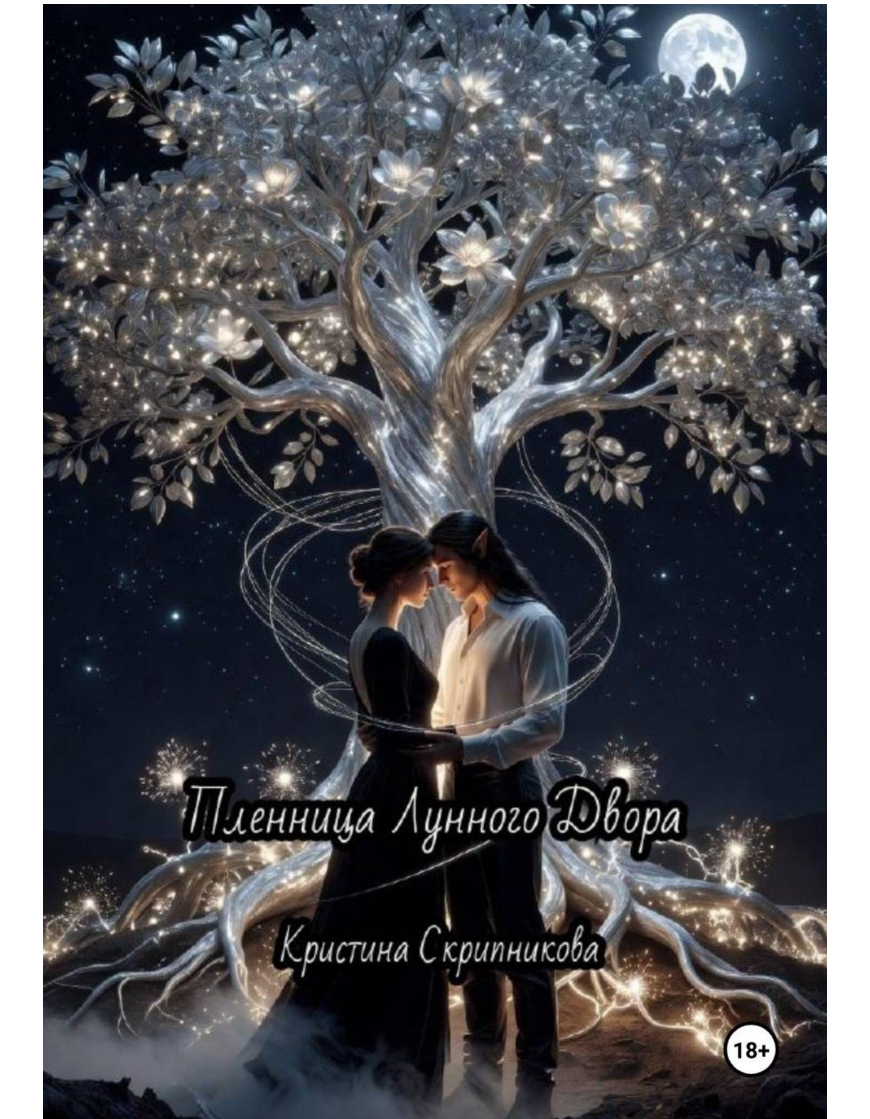

A romantic scene set at night under a large, ethereal tree with glowing, crystalline branches and leaves. The tree is illuminated from within, casting a warm, golden light. A full moon is visible in the dark, starry sky above the tree. In the foreground, a man and a woman are standing close together, looking into each other's eyes. The man is wearing a light-colored shirt and dark pants, while the woman is wearing a dark, flowing dress. They are surrounded by swirling, glowing lines of light that seem to emanate from the tree. The overall atmosphere is magical and dreamlike.

Пленница Лунного Двора

Кристина Скрипникова

18+

Кристина Скрипникова

Пленница Лунного Двора.

<https://litres.ru/74304208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ланет всегда видела то, что скрыто от других: нити судьбы, сплетающие жизни, правду за масками и ложь за улыбками. Но даже её дар не подготовил её к похищению эльфийским королем Нимласом, который увёз её в Лунный Двор, чтобы спасти умирающее Серебряное Древо. Цена спасения — её жизнь, и король готов принести эту жертву ради своего народа. Но всё меняется, когда между похитителем и жертвой вспыхивает запретное притяжение — отчаянное, пьянящее, способное уничтожить вековые устои.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кристина Скрипникова

Пленница Лунного Двора.

Глава 1

Сегодня ночь полнолуния, и в такие ночи мой дар становится особенно невыносимым. Серебряные нити судеб вспыхивают так ярко, что буквально режут глаза. Я вижу их у каждого живого существа — человека, зверя, даже эльфа. За окном пекарни воздух дрожал, словно кто-то огромный дышал в унисон с деревней. Соседи спали, не подозревая, что их нити судьбы — обычно спокойные, тусклые, тянущиеся к дому и семье, — вдруг натянулись, как тетива луков, и развернулись в сторону тёмного леса. Будто кто-то дёрнул за все струны разом.

Я замерла по локоть в муке, пальцы в тесте, печи пышут жаром, румяня булочки и хлеб первой партии, а перед глазами дрожали больше десятка серебряных линий. Паника подкатила к горлу липким комом: что-то было не так. Но я привыкла не поддаваться. Дар — проклятие, да. Но паника — роскошь, которую я не могла себе позволить, когда нужно успеть замесить тесто на вторую партию, чтобы к утру хлеб уже был готов.

— Ланет, ты чего застыла? — крикнула старая Марта из

подсобки. — Тесто само себя не замесит.

Я вздрогнула, но не обернулась.

— Уже иду! — отозвалась я, но пальцы предательски дрожали.

Я заставила себя отлипнуть от окна и вернулась к столу, где в огромном чане ждало тесто. Руки нащупали прохладную, упругую массу, и я начала месить — резко, зло, будто могла вымесить вместе с мукой и собственную тревогу. Марта, грузная, старая, с вечно раскрасневшимся от печного жара лицом, пыхла над соседним чаном. Обычно её размеренное сопение успокаивало, но сегодня даже оно казалось слишком громким.

Ночную тишину пекарни прорезал топот копыт. Тяжёлый, чужой. Так не стучат деревенские лошади — те и днём-то ходят лениво, а ночью все давно спят. Я замерла, пальцы вязли в тесте, а в голове уже билось одно слово: чужаки.

Я подняла глаза на Марту. Она тоже остановилась, побелевшим лицом, и встретила мой взгляд с таким страхом, что у меня внутри всё похолодело. Не сговариваясь, мы обе замерли, прислушиваясь. Топот приближался.

Я развернулась и снова шагнула к окну. Ладонь прижалась к прохладному стеклу, и я увидела их — всадников. Чёрные доспехи словно глотали лунный свет, не отражая ни блика, а на щитах горели серебряные гербы — ровным, неестественным пламенем, будто выжженные самой луной. Сомнений не осталось.

Эльфы.

Настоящие эльфы Лунного Двора.

— Марта, — прошептала я, пятясь от окна спиной, не в силах отвести взгляд от этого жуткого света. — Запри все двери. И сама не выходи.

Марта, тяжело дыша, шагнула к окну, сгорбилась, вглядываясь в темноту сквозь стекло. Секунда — и она выпрямилась, мелко и судорожно закрестилась.

— Боже милостивый, спаси и сохрани наших дев молодых, — зашептала она, и голос её дрожал, как осиновый лист.

Глаза её округлились, сделались огромными, как у совы, и в них плескался страх. Она резко повернулась ко мне.

— Беги, прячься! — прошипела она, и в этом шипении было столько силы, что меня будто подтолкнули в спину.

Я рванула с места, толкнула дверь пекарни и выскочила в ночь. За пекарней темнел амбар — единственное место, куда я могла добежать, не пересекая открытой улицы. Я метнулась к нему, не чувствуя ног, влетела внутрь, врезавшись плечом в дверной косяк, и захлопнула за собой створку. Спина прижалась к холодным доскам, грудь ходила ходуном, а сердце колотилось где-то в горле, заглушая даже собственное дыхание.

Я замерла, прислушиваясь. Снаружи — ни звука. Только моё рваное дыхание и глухой стук крови в ушах.

В амбаре царил густой, плотный мрак. Обычным человеческим взглядом я различала лишь смутные тени мешков с

зерном и мукой. Я шагнула вглубь, споткнулась, ударилась бедром о мешковину, чуть не упала, но удержалась и, на ощупь, пробралась за высокую гору мешков. Там я села, прижавшись спиной к бревенчатой стене, обхватила колени руками и затаила дыхание.

Тишина давила. Я смотрела на дверь, готовая сорваться с места, если петли хотя бы скрипнут.

Снаружи сначала было тихо. Та тишина, что бывает только перед грозой — когда даже сверчки замолкают, а воздух будто застывает в ожидании. Я сидела за мешками, прижимая ладони к груди, чтобы унять колотящееся сердце, и молилась, чтобы это оказалось дурным сном.

Но голоса всё же пришли. Сначала далёкие, потом ближе. Ровные, размеренные, величественные — они плыли по ночной улице, как холодная вода по камням. В них не было ни спешки, ни тревоги. Только спокойная, жуткая уверенность.

Я осторожно повернула голову к стене и увидела тонкую щель между брёвен. Приникла к ней одним глазом, боясь дышать.

Улица предстала передо мной в серебристо-чёрных тонах. Всадники стояли неподвижно, чёрные доспехи глотали лунный свет, а гербы на щитах горели тем самым неестественным пламенем. Но страшнее было другое — люди.

Они выходили из своих домов. Медленно, бесшумно, будто во сне. Все они шли к всадникам, не глядя по сторонам, с пустыми, восковыми лицами. Ни один не обернулся, не спо-

ткнулся, не произнёс ни слова. Словно куклы, которых дёргают за нити.

Я перевела взгляд чуть выше, туда, где обычно видела их судьбы, — и у меня перехватило дыхание.

Нити больше не тянулись к лесу. Не вибрировали, не дрожали в тревоге. Они теперь свисали вниз — безвольные, обмякшие, как у сломанных марионеток.

Вот оно. Право Лунного Двора. Древнее право, о котором в деревне говорили шёпотом: раз в девять лет они приходят за девушкой с даром. Забирают в свой холодный дворец, и больше её никто не видит.

Я прижалась лбом к стене, чувствуя кожей шершавое дерево. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове пульсировала одна мысль, простая и страшная, как удар молота:

Я и есть этот подарок.

Голоса снаружи стали тише, но я всё ещё слышала их — ровные, величественные, без единой ноты человеческого тепла. Они говорили так, словно решали судьбу мира, а не стояли посреди застывшей деревни, где у людей отняли даже право чувствовать страх.

Я зажмурилась, сжалась в комок за мешками и закусила губу, чтобы не закричать.

Глава 2

Дверь амбара распахнулась без единого звука. Даже петли не скрипнули. Я вжалась в стену за мешками, сжалась в комок, стараясь стать как можно меньше, слиться с тенью и мучной пылью, пропитавшей воздух. Сердце колотилось громко, и я боялась, что этот стук услышат даже снаружи.

В проёме вырос силуэт. Высокий, плечистый, в чёрных одеждах, струящихся, как вода. Лунный свет обрисовывал его фигуру серебряной каймой, но лица я не видела — только тёмный овал, в котором угадывались жёсткие, точеные черты.

Он шагнул внутрь. Уверенно, без колебаний, словно это был его амбар, его земля, его право. Сапоги ступали мягко, но каждый шаг отдавался у меня в висках глухим молотом.

Раз.

Два.

Три.

Он остановился.

— Я знаю, что ты здесь, — произнёс он тихо.

Голос был ровным, как гладь замёрзшего озера — и таким же холодным. Ни угрозы, ни насмешки. Просто констатация факта, от которого у меня внутри всё оборвалось и рухнуло вниз.

Я перестала дышать. Даже сердце, казалось, пропустило

удар. Блефует. Точно блефует. Так охотники выманивают зверя из укрытия — тишиной, ожиданием.

Если я не шелохнусь, не выдам себя ни единым звуком, он решит, что ошибся, и уйдёт. Нужно только подождать. Только не дышать.

Но он не ушёл.

Он сделал ещё один шаг и остановился в трёх шагах от мешков, за которыми я пряталась. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное. А затем его голова медленно повернулась. Слишком точно и прицельно. Он смотрел прямо на меня — сквозь плотную мешковину, сквозь темноту, сквозь мою жалкую попытку стать невидимой.

Чёрт. Эльфийское зрение.

Говорят, они видят в ночи лучше лесных кошек, различают тепло живого тела сквозь стены и читают страх по биению сердца.

Он меня нашёл. И в ту секунду, когда его взгляд прожёт меня сквозь мешковину, я поняла: прятаться больше бессмысленно. Всё, что мне оставалось, — это встать во весь рост и встретить свою судьбу так, чтобы не стыдно было вспоминать потом. Даже если этого "потом" у меня уже не будет.

Я поднялась, расправила плечи, гордо вскинула подбородок. Отряхнула фартук и подол платья от мучной пыли, будто это имело хоть какое-то значение. Наверное, со стороны я выглядела жалко: девушка с перепачканными до локтей ру-

ками, в липком тесте под ногтями, с выбившейся из косы прядью, лезущей в лицо, и в старом платье, которое мама сшила мне три года назад и которое уже тесновато в груди. Но я задрала подбородок ещё выше.

— Ну и встреча, — сказала я вслух, потому что тишина действовала мне на нервы сильнее, чем всадники снаружи и этот чужой холодный взгляд. — Самый красивый мужчина, которого я видела в жизни, только что испортил мне ночную смену. И, судя по вашей ауре, вы сами от этого не в восторге.

Он не улыбнулся. Вообще никак не отреагировал. Смотрел на меня так, будто я была странным насекомым, которое стоит пришить булавкой к картонной коробке и подписать латинским названием.

Его бледное лицо, резкие, будто вырезанные из камня скулы, глаза — серебристо-серые, такие светлые, что казались почти прозрачными. Волосы цвета воронова крыла стянуты в низкий хвост, и от этого черты лица казались ещё острее. Из-под волос виднелись кончики ушей — длинные, заострённые, безупречные. Он был красив ледяной, правильной красотой, которая не согревает, а замораживает. Такой красотой можно любоваться издалека, но к ней невозможно прикоснуться — обожжёшься холодом.

— Ты человек с даром, — произнёс он без вопросительной интонации. — С необычным даром.

— А вы, я смотрю, любите очевидное, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Получилось почти дерзко.

Он сделал шаг ко мне. Всего один, но пространство между нами сжалось, стало плотным и звенящим. Я не отступила. Пальцы сжались в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

И тут я увидела герб на его груди: серебряная луна, опутанная терниями. Знак Лунного Двора. Знак того, кто имеет право прийти и забрать. Я знала это право. Все знали. Но видеть его воочию — совсем другое.

Король. Не просто эльф, не просто воин. Король Лунного Двора собственной персоной.

Его взгляд неторопливо скользнул по моим рукам в муке, по лицу, по глазам. Он произнес:

— Ты пойдёшь со мной. Это право Лунного Двора.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха и злости — пополам.

У меня в голове промелькнула сотня ответов. «Вы не можете так поступать со свободными людьми», «У меня есть работа», — всё это было готово сорваться с языка, но я подняла глаза выше, посмотрела на его нить судьбы — и все слова застряли в горле, как сухие комья.

Его нить была оборвана.

Я видела нити у всех. Всегда видела. Серебряная линия тянется от человека к его будущему, дрожит, пульсирует, живёт. Но у него... у него линия обрывалась в пустоту. Резко, будто кто-то отсёк её мечом. И на конце — слабое, дрожащее мерцание, искра, которая не знает, разгореться ей или

погаснуть навсегда. Такой нити я не встречала ни у одного живого существа.

Он был живым. Стоял передо мной, дышал, смотрел холодными серебристыми глазами. Но судьба его уже умерла. Или умирала прямо сейчас, на моих глазах, и он несёт эту смерть внутри себя.

— Вы не рады, — сказала я вслух, прежде чем успела подумать. Слова сами вырвались изо рта, тихие и уверенные, как будто их произнёс кто-то другой. — Вы не хотите меня забирать. Но вы вынуждены.

Его глаза сузились. Тонкие, почти прозрачные, они стали ещё более холодными, если это вообще возможно. Он не подтвердил. Не опроверг. Только сжал челюсти — так, что на скулах проступили желваки.

— Ты идёшь, — повторил он, и голос его стал ниже, твёрже. — Либо добровольно, либо я прикажу тебя нести. Выбери.

Я усмехнулась. Усмешка вышла кривой и не слишком уверенной, но она была. Потому что, если честно, выбора у меня не было — но я не собиралась давать ему удовольствие видеть мой страх. Пусть думает, что я храбрее, чем есть на самом деле.

— Ладно, Ваше Высочество. Только дайте мне снять передник. Вдруг он мне ещё пригодится.

Я медленно, с вызовом, развязала тесёмки фартука, стянула его через голову. Мука взметнулась в воздух и осела на

пол серебристой пылью. Я аккуратно сложила передник, положила его на мешок, будто собиралась вернуться с минуты на минуту. Внутри всё дрожало, но руки были удивительно спокойны.

Он не ответил. Просто посторонился, пропуская меня к двери.

Я вышла из амбара, и ночной воздух ударил в лицо — холодный, колючий, с привкусом хвойного леса. Деревня стояла передо мной, как музей восковых фигур: ни звука, ни движения, ни единого живого взгляда. Люди застыли в тех позах, в каких их застал призыв. Глаза у всех были открыты, но пустые, ровно у мертвецов, которым забыли закрыть веки.

Эльфийские всадники ждали на лошадях — огромных, чёрных, с гривами, отливающими серебром. Животные стояли неподвижно, лишь изредка прядая ушами. Никто из всадников не посмотрел на меня. Никто вообще не смотрел. Они все смотрели прямо перед собой, будто меня здесь не было.

За моей спиной, почти у самого плеча, шёл король — я слышала его тихие, ровные шаги. Он не касался меня, но его присутствие давило на спину, как холодная рука.

Я скользнула взглядом по толпе и вдруг увидела Марту. Она стояла такая же восковая, с той же пустотой в глазах. А рядом с ней, на два шага левее, — мама. Моя мама.

В ночной сорочке, босиком, с распущенными волосами. Она не смотрела на меня. Она смотрела вперёд, сквозь всё, и не видела ни меня, ни моего отчаяния. И только завтра,

когда сойдёт этот морок, она поймёт: пришла очередь её дочери. Единственной дочери, которую Лунный Двор забрал навсегда. Откуда не возвращаются.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Слезы накатывали, жгли глаза, но я не позволила им пролиться. Только не здесь. Только не перед ним. Не перед этим ледяным королём, который, возможно, уже предвкушает, как я сломаюсь. Я отвернулась, резко, так что волосы хлестнули по щеке, и сделала шаг вперёд. Если я посмотрю на маму ещё раз — я побегу. Я брошусь к ней, обниму её, зарыдаю в голос. И позора уже не будет, будет только моя слабость, которую они увидят все.

Я не собиралась быть жертвой. Даже в бедной жизни, даже перед лицом древнего права.

Впереди, среди чёрных всадников, стояла карета — огромная, серебристо-чёрная, с замысловатыми витками узоров по окнам и крыше. Колеса были высокими, с тонкими спицами, а из-под крыши, словно когти, тянулись резные завитки.

Я подошла вплотную и остановилась. Король оказался рядом — я почувствовала его раньше, чем увидела. Он протянул мне руку, помогая взобраться на ступеньку. Его пальцы были прохладными, но хватка — крепкой, спокойной. Кожа гладкая, без единой мозоли.

Я уже поставила ногу на ступеньку, как вдруг он приблизился. Вплотную. Его грудь коснулась моего плеча, а губы

оказались у самого уха. От него пахло снегом и мятой — чисто, морозно, без капли тепла.

— Не бойся, — сказал он тихо, почти неслышно.

Я повернула голову и посмотрела на него в упор. Его лицо было близко — слишком близко. В серебристых глазах отражался лунный свет.

— Кто сказал, что я боюсь? — ответила я, не опуская взгляда. — Я просто хочу знать: кормить ли меня будут в вашем Лунном Дворе, или мне придётся отрабатывать свой хлеб.

Его губы дрогнули. Один уголок, едва заметно. Почти улыбка. Почти.

— Увидишь, — ответил он.

Я забралась в карету, не оглянувшись. Потому что если бы оглянулась — я могла бы передумать.

Глава 3

Карета оказалась роскошнее, чем весь мой дом вместе взятый. Я опустилась на мягкое сиденье, и подушки приняли меня с непривычной заботой, обтянутые тканью, которая пахла сухими цветами и холодом. Тёмное дерево стен было отполировано до зеркального блеска, а серебряные вставки мерцали в лунном свете, пробивавшемся сквозь лёгкую занавесь. Внутри было тепло, но тепло это было неживым — будто воздух грелся не от очага, а от какого-то другого, чужого источника, который не знал, что такое уют.

Окна были затянуты тканью, переливающейся, как мыльная плёнка на луже после дождя. Я протянула руку и осторожно провела пальцем по её поверхности — ткань послушно расступилась, открывая вид на ночной лес, мчащийся мимо. Деревья проносились в темноте чёткими тенями, а между ними мелькали просветы лунного света, серебрившие дорогу.

— Завороженные окна, — сказала я вслух, разглядывая, как стволы скользят мимо. — Красиво. Но если я попробую выпрыгнуть, что будет?

Король сидел напротив. Он не смотрел на меня, но я чувствовала его взгляд кожей — он всё это время изучал меня, просто делал это молча, как делают хищники перед броском. Его руки лежали на коленях, спокойные, неподвижные,

и только тонкие пальцы чуть заметно сжимали край одежды.

— Завороженное стекло не пропустит тебя, — ответил он ровно, без тени эмоций. — Но ты можешь разбить его, если захочешь. Впрочем, мы уже достаточно далеко от деревни. Ты заблудишься в лесу за час, и тебя съедят твари, которых не видит обычный глаз. Твой дар их увидит. Но это не поможет, если они разорвут тебе горло.

Я поджала губы.

— Мило. Умеете успокаивать, Ваше Высочество.

Он не ответил. Только перевёл взгляд с моих рук на лицо — и в темноте его серебристые глаза блеснули, как два осколка льда. Тишина повисла между нами, плотная. А потом он произнёс:

— Нимлас. Моё имя.

Я замерла. Нимлас. Слово было чужим, но оно легло на язык, как будто я должна была его знать. Я повторила его про себя, пробуя на вкус, и вдруг поняла, что он сделал. Имя Лунного Двора не назовёшь случайному человеку — оно становится связью. Узлом, который невозможно разорвать. Он дал мне кусочек своей силы, и я не знала, что с этим делать.

— Я не просила вашего имени, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал холодно и ровно.

— Знаю, — сказал он. — Но ты его получила. И теперь у тебя есть то, чего я не давал ни одной из прежних.

Карета качнулась на повороте, и я ухватила за поручень,

чтобы не упасть. Он смотрел на меня, как будто ждал чего-то. Может быть, моего страха. Может быть, моей дерзости. А может быть, того, что я произнесу его имя вслух.

Я не стала. Я отвернулась к окну и смотрела на мчащиеся деревья, пока дыхание не выровнялось. Но его имя осталось у меня под языком, как маленький ледяной камень, который я не могла ни проглотить, ни выплюнуть.

— Нимлас, — прошептала я едва слышно, в самое стекло, чтобы он не услышал. И почему-то от этого имени по спине пробежал холод, как будто я произнесла заклинание.

Я разглядывала пейзажи за окном, но на самом деле я рассматривала его — отражение в тёмном стекле. Он сидел неподвижно, как изваяние, высеченное из льда и лунного света. Только пальцы левой руки чуть заметно постукивали по колену в ритме, которого я не могла распознать. Что-то чужое, древнее, будто он отбивал такт мелодии, которую слышал только он один.

Молчание затянулось. Оно висело между нами, плотное, как туман над рекой, и с каждой минутой становилось всё тяжелее. Я чувствовала, как оно давит мне на плечи, как заползает под кожу. Я не выдержала первой.

— Обычно, когда мужчина хочет пригласить девушку на свидание, он дарит цветы, — сказала я, поворачиваясь к нему и вскидывая бровь. — А вы, я смотрю, предпочитаете эскорт и лишение свободы. Это новый способ ухаживания? Или у эльфов так принято — красть невест без предупре-

ждения?

Нимлас поднял глаза. В полумраке кареты они казались почти белыми, как расплавленное серебро, и в них отражался свет, которого не было вокруг. Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Но я не отвела глаз. Я ждала.

— Ты не пленница, — сказал он бесстрастно, и голос его был ровным, как ледяная гладь. — Ты гостья, чей визит имеет важное значение.

— Гостья, которую не спросили, — фыркнула я, складывая руки на груди. — Какая разница, как это назвать? Красивое слово не меняет сути. У вас тут, я смотрю, всё на этом держится — на изящных названиях для некрасивых поступков. Это что-то вроде национального эльфийского вида спорта? Давать вещам красивые имена, чтобы не чувствовать себя виноватыми?

Его лицо осталось неподвижным. Ни одна мышца не дрогнула. Он сидел, как ледяная маска, и только в глубине серебристых глаз что-то промелькнуло — искра, тень, отблеск. Уголок его рта дёрнулся. Раз. Второй. Будто он сдержал усмешку. Или мне это просто показалось — отчаянно пытающейся выглядеть храброй, когда внутри всё дрожит.

— Ты говоришь много, — заметил он.

— А ты, я смотрю, предпочитаешь молчать, — ответила я, пожимая плечами. — Я хотя бы развлекаю общество. Ты же сидишь, как музейный экспонат, и сверлишь меня взгля-

дом. Что ты там высматриваешь? Рога? Копыта? Или проверяешь, не заражена ли я чем?

Я выпалила это и замерла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Но я не могла остановиться. Молчание было хуже любого ответа. Лучше пусть он злится, лучше пусть огрызается — только не эта мёртвая тишина, в которой я слышу только стук собственного сердца.

Нимлас наклонил голову чуть вбок — движение было плавным, почти кошачьим. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел. Или будто решал, стоит ли мне что-то сказать.

— Я проверяю, насколько ты сильна, — сказал он, и его голос был ровным. — Твой дар должен был ослепить тебя, когда мы пересекли границу Лунного Двора. Ты не моргнула. Это интересно.

Я замерла, чувствуя, как мурашки пробегают по спине — холодные, цепкие, одна за другой. Я ожидала чего угодно: насмешки, угрозы, ледяного высокомерия. Но не этого. Не тихого, почти задумчивого признания, что он ждал моей слабости, а я её не показала.

— Граница? — переспросила я, и голос мой прозвучал чуть хрипло. — Мы уже пересекли?

Он кивнул. Один короткий, скупой кивок — и всё. Будто речь шла о пройденном перекрёстке, а не о том, что я только что ступила на землю, из которой никто не возвращается.

Я резко повернулась к окну, прижалась ладонью к заво-

роженному стеклу, и оно послушно расступилось под моими пальцами. Лес всё ещё был похож на лес — но только на первый взгляд. Очертания деревьев стали слишком чёткими, будто их вырезали ножом по тёмной бумаге. Каждая ветка, каждый изгиб коры проступали с неестественной ясностью. А тени под стволами были слишком глубокими, слишком чёрными — они словно дышали, тянулись к дороге, шевелились где-то на самом краю зрения.

И луна.

Совсем недавно она висела высоко, маленькая и далёкая, как серебряная монета на синем бархате. Теперь же она была огромной — невероятно огромной, нависающей прямо над кронами деревьев, будто кто-то придвинул её к земле, чтобы лучше рассмотреть. Свет её был холодным, белым, почти голубым, и в этом свете каждая тень казалась острее.

Я повернулась к нему, и в голосе моём проступила сухость, которой я сама от себя не ожидала:

— Вы не предупредили.

— Ты не спрашивала, — ответил он без тени эмоций.

Я открыла рот, готовя язвительный ответ, — что-то про элементарную вежливость и предупреждение о том, что тебя увозят в чужой мир, — но в этот момент карета мягко качнулась, словно колёса въехали на гладкую дорогу, и я почувствовала, как воздух вокруг изменился. Стал плотнее, что ли. Или чище. Или холоднее.

Я снова посмотрела в окно — и всё, что я хотела сказать,

умерло у меня на губах.

Мы выехали из леса, и передо мной распахнулся Лунный
Город.

Глава 4

Карета въехала под арку, и город принял нас в свои объятия. Я прижалась лицом к замороженному стеклу, забыв о гордости и о том, что Нимлас смотрит на меня. Лунный Город не походил ни на один человеческий город. Он не был построен — он был выращен. Белый камень струился фасадами, как застывшее молоко, перетекая в чёрный мрамор, блестящий, словно полированная смола. Каждая колонна, каждый изгиб крыши казались живыми — будто стены дышали, медленно и глубоко, как спящий зверь.

Шпили взмывали в небо так высоко, что терялись в серебристом тумане, и я не могла понять, где заканчивается архитектура и начинаются скалы, на которых стоял город. Всё это — белые и чёрные тернии, ажурные арки, балконы с цветами, которые светились изнутри нервным, болезненным светом, — казалось высеченным из одного куска цельной ночи, отшлифованным до блеска чьими-то терпеливыми руками.

А над всем этим висела луна.

Она была огромной. Низкой. Почти касалась шпилей своим бледным краем, и я могла разглядеть кратеры на её поверхности — тёмные пятна, складывающиеся в лица, которых не должно существовать. Лица древних богов, что смотрели на меня с высоты, не мигая. Свет их был серебряным, холодным, он лился отовсюду — из окон, из камня, из воз-

духа — и проникал в каждую щель, в каждую пору кожи.

Я почувствовала его сразу. Магию Двора.

Она не была похожа на магию наших деревенских знахарок, от которых веет теплом и сушёными травами. Она была плотной, тяжёлой, как вода под давлением. Она давила на глаза, пытаясь ослепить мой дар, заставить меня видеть так, как видят все остальные: красиво и безопасно. Она нашёптывала мне: «Смотри на сияние. Смотри на блеск. Не смотри глубже».

Но я видела больше.

Передо мной был город, стоящий на костях. Я видела это теперь с пугающей ясностью — тонкие серебряные линии проступали между белыми камнями, как прожилки на старческой руке, и под их поверхностью угадывалась глубокая, тянущая пустота. Каменные плиты трескались под весом времени, которое здесь текло иначе — медленнее, тягучее, но от этого не менее разрушительно. Воздух был пропитан магией, но магия эта была дырявой, как старый ковёр, который годами выбивали о стену: тут и там зияли чёрные провалы, где сила утекала, будто воду черпали решетом. Я видела эти дыры — они пульсировали, дышали, тянулись к чему-то живому, чтобы напиться.

И я понимала, зачем я здесь. Они хотят залатать эти дыры моим даром. Вставить меня, как заплатку, в гниющую ткань их города, а потом выбросить, когда я перестану быть полезной.

Карета остановилась. Дверца распахнулась беззвучно — даже петли не скрипнули, будто здесь всё было пропитано этой неестественной, давящей тишиной. Снаружи стоял молодой эльф в тёмной ливрее, с неподвижным, словно высеченным из мрамора лицом. Он не смотрел на меня. Он смотрел куда-то вдаль, сквозь меня, как будто я была пустым местом.

Нимлас вышел первым. Его движения были плавными, отточенными, лишёнными лишних жестов — он ступил на каменную площадь, и я почувствовала, как воздух вокруг него изменился, стал более плотным. Он обернулся и подал мне руку. Я замешкалась на мгновение, но только на мгновение.

Его ладонь была безупречной — длинные пальцы, чистая кожа, серебряная печатка с лунным гербом на безымянном пальце. Я вложила свою руку в его ладонь, и его пальцы сомкнулись вокруг моих — прохладные, с удивительно спокойной хваткой. Когда я спрыгнула на землю, я невольно задержала взгляд на его нити судьбы. Она всё так же обрывалась в пустоту, но теперь её тусклое мерцание сливалось с серебристым светом города, будто он был неотъемлемой частью этого места. И я вдруг поняла: он не просто живёт здесь. Он часть этого гниения. Это место убивало его. Медленно, верно, каждый день, а он, возможно, даже не замечал.

— Добро пожаловать в Лунный Двор, — сказал Нимлас, и голос его прозвучал ровно, без тени торжества или приветливости.

Я отпустила его руку, ощутив, как на коже остался холодок от прикосновения. Огляделась.

Мы стояли на широкой площади перед дворцом — тем самым, что я видела из окна. Вблизи он был ещё величественнее: колонны из чёрного и белого мрамора, ажурные арки, высокие окна, светящиеся изнутри мягким голубоватым огнём. Но я видела и то, что скрывалось за этой красотой. По стенам ползли тонкие трещины, а в основании колонн зияли тёмные провалы, из которых тянуло сыростью и чем-то ещё — давно ушедшим теплом.

Вокруг стояли эльфы. Они не приближались — держались на почтительном расстоянии, но я чувствовала их взгляды на себе, как сотни булавок, впивающихся в кожу. Они молчали. Улыбались. Но их улыбки были приклеены к лицам, как маски, а глаза — льдистые, изучающие, голодные. Они смотрели на меня так, будто я была куском мяса, брошенным на арену. Никто не произнёс ни слова, но от их молчания воздух стал плотнее, тяжелее.

Я подняла подбородок, поправила платье, которое всё ещё было в муке, и произнесла достаточно громко, чтобы меня услышали не только Нимлас, но и те, кто стоял вокруг:

— Дворец. Никогда не видела такого красивого склепа.

По толпе прокатилась волна — едва заметная, но я её почувствовала. Кто-то из эльфов перестал улыбаться. Кто-то, наоборот, улыбнулся шире, будто я оправдала его ожидания.

Нимлас взглянул на меня чуть острее — серебристые гла-

за сузились, будто он примерял мои слова к себе и не находил, за что зацепиться.

— Это дворец, а не склеп.

— Как скажете, Ваше Высочество, — ответила я и посмотрела ему прямо в лицо. — Только у вас он выглядит так, будто вы ещё не поняли, что все здесь умерли, а разговаривать продолжаете по привычке.

Он ничего не сказал. Вообще ничего. Только молча взял мою руку и повёл меня внутрь. Его пальцы сомкнулись вокруг моих — чуть крепче, чем в прошлый раз, будто он боялся, что я рвану обратно к карете.

Высокие двустворчатые двери распахнулись перед нами без единого звука — даже воздух не шелохнулся. Мы вошли в просторный коридор, и я, признаться, забыла закрыть рот. Всё здесь было такое непохожее на человеческое. Свет лился отовсюду и ниоткуда — струился по стенам, сочился из потолка, пульсировал в мраморных плитах под ногами, словно сам камень дышал этим прохладным, голубоватым сиянием. Ни одной свечи. Ни одного факела. Только этот магический свет, ровный и немигающий.

Двери перед нами открывались сами. Мы подходили к очередной — и створки плавно расходились в стороны, без скрипа, без усилия, будто кто-то невидимый стоял за ними и ждал. Я почувствовала, как по спине пробежала дрожь. Это было красиво. Но от этой красоты мне становилось не по себе.

Мы шли долго — через анфилады, повороты, лестницы с широкими ступенями и перилами из тёмного серебра. Наконец Нимлас остановился у массивной двери, которая, в отличие от остальных, была закрыта. Он толкнул её ладонью, и она бесшумно отворилась, открывая покои.

Я вошла и замерла.

Комната была размером с мою пекарню, умноженную на десять. Потолок терялся где-то в вышине, теряясь в мягкой полутьме, а по углам вились колонны из тёмного мрамора с прожилками, светящимися изнутри. В камине горел огонь — но не жёлто-оранжевый, как я привыкла, а серебряный, бездымный, от которого исходило сухое тепло, странное и неживое. Огромная кровать под балдахином из тёмного шёлка стояла у стены, застеленная бельём, которое казалось сотканным из лунного света. Окна от пола до потолка занимали всю дальнюю стену, и за ними висела та самая луна — огромная, низкая, почти вплотную придвинувшаяся к стеклу.

Я заметила, что на дверях нет замков. Ни одного. Ни засова, ни задвижки, даже замочной скважины не было. Красиво. Удобно. И совершенно, абсолютно безнадёжно.

Нимлас отпустил мою руку. Я прошла в глубину комнаты, остановилась посредине и медленно покрутилась на месте, разглядывая это великолепие. Стены, убранство, свет, кровать. Всё это было внушительно. Всё это было роскошно.

— Уютно, — сказала я, останавливаясь и поворачиваясь

к нему. — Только вот чувствую себя, как муха в хрустальной банке. Можно и полетать, и улицу видно, а выбраться некуда.

Нимлас стоял в дверях. Он не переступал порога, скрестил руки на груди и опёрся плечом о дверной косяк. В полумраке его лицо казалось вырезанным из светлой кости, а глаза — двумя осколками льда, в которых отражался серебряный свет камина. Он смотрел на меня внимательно. Так внимательно, что я ощущала его взгляд кожей — от макушки до пят, по каждой линии тела, по каждому движению рук. Я чувствовала, как он изучает меня, запоминает, заносит куда-то в свою ледяную копилку.

— Ты не пленница, — повторил он, и в этот раз в его голосе мне почудилась усталость. — Завтра я объясню тебе, зачем ты здесь. Отдыхай.

Он развернулся, и я поняла: если я не скажу сейчас, не успею уже никогда. Слова обожгли горло, прежде чем я успела их остановить.

— Король.

Он замер. Не обернулся, но я видела, как напряглись его плечи под тёмной тканью одежды, как пальцы, сжавшиеся в кулаки, медленно разжались. Я сделала шаг вперёд — сердце колотилось где-то у горла, но я заставила себя говорить.

— Ваша нить судьбы, — сказала я, и голос дрогнул, но я продолжила, потому что отступать было некуда. — Она оборвана. Вы это знаете?

Тишина легла между нами плотной, тягучей волной. Он

медленно повернулся — так медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом. В серебристых глазах плескалась ледяная настороженность, но я успела заметить и то, что он старался скрыть: живой, острый интерес, почти голод.

— Что ты видишь? — спросил он, и голос его стал ниже, тише, словно он боялся, что нас кто-то услышит.

— Я вижу, что вы ходите по краю, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Буквально. Ваша нить обрывается, и на конце — искра. Она ещё горит, но долго не продержится. Вы знаете, что умираете?

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то живое — боль, удивление, гнев? Я не успела разобрать. Его лицо дернулось, будто я ударила его пощёчиной, но он снова закрылся, и кожа стала гладкой, как отполированный лёд. Только желваки на скулах дрогнули.

— Отдыхай, — повторил он, и в этом слове прозвучала не забота, а приказ.

Он вышел. Дверь мягко закрылась, отрезав меня от него. Я осталась одна.

Комната была красивее всего, что я видела в жизни, — но теперь, когда я была в ней одна, она казалась мне могилой. Слишком тихой, слишком правильной, слишком мёртвой. Я подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и посмотрела на луну — огромную, низкую, нависшую прямо над дворцом, как огромный глаз. Она смотрела на меня в ответ, и от её взгляда по коже пробегал холод.

Отчаянно хотелось домой. В свою пекарню, к тёплой печи, к запаху свежего хлеба, к маме, которая стояла за прилавком и улыбалась каждому покупателю. Она проснётся утром, зайдёт в мою комнату и увидит пустую кровать. Она сойдёт с ума. Она будет меня искать по всей деревне, а потом кто-нибудь скажет ей, что я уехала с королём Лунного Двора.

Отец умер год назад. Он таял на глазах от тяжёлой болезни, а мы с мамой и Мартой держали пекарню, стараясь не показывать ему, как нам страшно. Он оставил нам дело, которое любил больше всего на свете, — и я вложила в него всю себя. Месила тесто, вытаскивала хлеб из печи, работала ночами напролёт, и в этом простом, честном труде находила спасение. Вся деревня приходила по утрам за нашей выпечкой, а из соседних деревень приезжали — за караваем, булками, пирогами. Наша пекарня пахла жизнью.

Мама не знала о моём даре. Я боялась сказать ей. Боялась, что она посмотрит на меня по-другому, что я стану для неё чужой. А если бы я сказала ей... Может, тогда я не оказалась бы здесь. Или хотя бы она знала бы, почему меня забрали. Теперь я этого уже не узнаю.

Я усмехнулась своему отражению в стекле. Бледная девушка с растрёпанной косой, в платье, перепачканном мукой, с кусочками теста, прилипшими к подолу. Глаза большие, испуганные, но в них ещё теплился вызов.

— Ну что ж, Ланет, — сказала я вслух, глядя на себя. — Ты хотела приключений? Получай. Только, пожалуйста, не

сдохни в первый же день.

Серебряный огонь в камине трещал, и мне показалось, что он смеётся вместе со мной. Или надо мной.

Я отошла от окна и направилась к огромной кровати. На мгновение замерла, прислушиваясь — не идёт ли кто. Ни звука. Только моё собственное дыхание и тихий треск пламени. Я стянула с себя платье, оставшись в лёгкой сорочке, которая ещё хранила запах домашнего дыма — единственная частичка дома, что осталась при мне.

Откинула одеяло. Оно было тёплым, мягким, как облако, и пахло невероятно вкусно — свежей травой и чем-то цветочным, едва уловимым. Я прижала его к лицу, вдохнула этот запах, и по телу разлилось такое блаженство, что на мгновение я забыла, где нахожусь. Улыбнулась.

Улеглась, укрылась одеялом до самого подбородка. Глаза сомкнулись сами собой, и я провалилась в сон — глубокий, тёмный, без сновидений, как будто кто-то бережно укутал меня в тишину.

Глава 5

Меня разбудили утром. В Лунном Дворе не было рассветов — серебристый свет за окном просто стал чуть ярче, будто кто-то повернул невидимый фитиль, и я поняла: наступило утро. Я ещё лежала, когда дверь распахнулась без стука.

Две эльфийки вошли в комнату, ступая так тихо, что даже воздух не шелохнулся. Лица у них были выточены из одного куска льда — тонкие, красивые, но совершенно безжизненные. Ни улыбки, ни приветствия, ни даже намёка на то, что они вообще замечают во мне живое существо. Они смотрели на меня, как на экспонат кунсткамеры, а я сидела в кровати, прижимая одеяло к груди, и чувствовала себя диковинным зверем, которого привезли на ярмарку.

Они принялись молча выкладывать на кровать какие-то немыслимые наряды. Шёлк переливался, парча мерцала, бархат казался почти живым под их длинными бледными пальцами. Я смотрела на это великолепие и чувствовала, как во мне закипает глухое раздражение.

— Что это? — спросила я, садясь ровнее и кутаясь в одеяло до самого подбородка. Голос мой прозвучал хрипло, но я постаралась вложить в него всю доступную мне дерзость. — Вы пришли меня одевать или хоронить?

Старшая из эльфиек — на вид лет сорока, с волосами цвета пепла, собранными в идеально гладкий пучок, — посмот-

рела на меня так, будто я была мухой, жужжащей над её идеально сервированным столом. Она даже не моргнула.

— Король Нимлас ожидает вас в малом зале через час. Ваше появление должно соответствовать статусу гостя Лунного Двора, — произнесла она ровным, металлическим голосом, в котором не было ни капли тепла.

Я перевела взгляд на разложенные платья: тёмный шёлк, серебряная парча, чёрный бархат с вышивкой, которая переливалась, как живая вода. Всё это было красиво. Всё это было чужое. И всё это, я была уверена, стоило больше, чем моя пекарня, наша деревня и все пшеничные поля вокруг вместе взятые.

— А попроще ничего нет? — спросила я, приподнимая бровь. — Я вообще-то привыкла к простым и удобным одеждам.

Эльфийка не улыбнулась. Она вообще, кажется, не умела улыбаться. Её лицо осталось таким же неподвижным, как у статуи в городском саду, только ноздри чуть заметно дрогнули, будто она уловила неприятный запах.

— Выбор платья — ваше право, — произнесла она тоном, которым обычно говорят: «Выбор за вами, но если вы выберете не то, я лично прослежу, чтобы вы пожалели».

Я вздохнула. Ткнула пальцем в чёрное платье — с высоким воротом, длинными рукавами, закрытое до самых запястий. Самое скромное из всех. Мне не хотелось светить голыми плечами перед толпой эльфов, которые, судя по вче-

рашним взглядам на площади, уже точили на меня когти.

— Вот это, — сказала я. — Если уж мне суждено быть вашей гостьей, то я буду гостьей в том, в чём мне не стыдно будет выйти к людям. К эльфам.

Старшая эльфийка коротко кивнула, но в её глазах мелькнуло что-то, похожее на одобрение. Или мне показалось.

— Но для начала вас нужно как следует отмыть, — сказала она, и в голосе её впервые проступила едва заметная насмешка.

Мне не понравился её тон. Слишком холодный, слишком — свысока. Я покривилась душой.

Да, признаю, мука въелась в кожу, а к подолу прилипли кусочки теста, но я ведь не в уличной грязи валялась и не во вшах хожу. Просто немного рабочей пыли. С кем не бывает.

Я гордо подняла голову, приподнялась с кровати, по-прежнему кутаясь в одеяло, и посмотрела на старшую эльфийку в упор.

— Где ваша купальня? Я сама помоюсь.

Молодая эльфийка — ответила почти шёпотом:

— Здесь.

И указала изящной рукой на дверь в дальнем конце комнаты, которую я не заметила. Я кивнула, стараясь не показывать, что слегка растеряна, и направилась к ней. Одеяло волочилось за мной по полу, как королевская мантия.

Я толкнула дверь, шагнула внутрь и — ахнула.

Купальня была огромной. В углу, прямо из стены, бил во-

допад — не шумный, не бурлящий, а тихий, почти ласковый, стекающий по гладким чёрным камням в просторный бассейн, который светился изнутри мягким золотистым огнём. Вода переливалась, искрилась, будто в ней растворили звёзды. В воздухе стоял запах — сладкий, пряный, чуть мускусный с перчинкой: цветы, мёд, что-то тёплое и дурманящее.

Я подошла к бассейну и провела рукой по бортику — гладкий, тёплый, словно нагретый солнцем камень. Пальцы на мгновение задержались, впитывая это непривычное тепло.

А потом я услышала шаги за спиной.

Резко обернулась. Эльфийки уже вошли следом — обе, старшая и младшая, — и деловито разбрелись по купальне. В руках у них появились кувшинчики, баночки, скляночки из тёмного стекла и полированной меди. Они принялись расставлять их на полках вдоль стены, молча, слаженно, будто делали это сотни раз. Это было красиво. И раздражало невыносимо.

— Я же сказала — сама помоюсь! — голос мой прозвучал резче, чем я хотела, и я сдвинула брови, сжимая одеяло на груди.

Старшая эльфийка медленно повернулась ко мне. На мгновение мне показалось, что в её глазах мелькнула презрительная усмешка — едва заметная, но я её поймала.

— Нам приказано вас привести в порядок, — произнесла она ровно, с расстановкой. — Мы не имеем права слушать-

ся приказа нашего короля.

Она сделала паузу и шагнула ко мне чуть ближе. Остановилась в шаге, наклонила голову, и голос её стал тише — вкрадчивый:

— Тем более я уверена, что вы не отличите шампунь от мыла.

Я чуть не задохнулась от возмущения. От этого тона, от этой манеры разговаривать со мной, будто я не гостья, а провинившаяся служанка. Я открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю о их гостеприимстве, об их манерах и о том, как они принимают гостей в Лунном Дворе, — но старшая эльфийка щёлкнула пальцами, и я поняла: спорить бесполезно.

Две другие эльфийки — я даже не заметила, когда они вошли, — оказались рядом. Быстро, ловко, без единого слова они стянули с меня одеяло. Оно соскользнуло на пол, как вода, и я осталась в одной сорочке, судорожно вцепившись в неё. Но и сорочка через мгновение слетела с меня — их пальцы двигались споро, привычно, будто они раздевали не живую девушку, а куклу.

Я осталась полностью голая.

Руки сами собой взметнулись: одна к груди, другая вниз, я перекрестила ноги, пытаясь спрятаться от их взглядов. Щёки вспыхнули жаром, как от печного огня. Я не привыкла расхаживать нагишом перед чужими людьми.

Молодая эльфийка с волосами цвета зимнего неба шагнула ко мне. Я думала, она сейчас тоже будет меня разглядыв-

вать, но она лишь мягко взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой, вопреки ожиданиям, а в глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Первое живое чувство, которое я увидела в этих стенах.

— Пойдёмте, — тихо сказала она. — Вода тёплая. Вам понравится.

Я позволила ей увести себя к бассейну. Ступени были гладкими, тёплыми, я спустилась по ним, и вода приняла меня — мягкая, тёплая, как парное молоко. Я погрузилась по самую грудь и на мгновение закрыла глаза. Тепло разлилось по телу, смывая напряжение, оставляя только приятную тяжесть в мышцах. Запах цветов и мёда стал ближе, настойчивее.

За спиной послышался шорох — эльфийки подошли к бортику. Я открыла глаза и обернулась. Старшая стояла с баночкой в руке, и на её лице застыло выражение, которое я уже научилась ненавидеть: спокойное, бесстрастное превосходство.

— Это шампунь, — сказала она, протягивая баночку. — Для волос. А это, — она указала на другую, — мыло. Для тела.

Я взяла баночку, повертела в руках. Тяжёлая, тёмная, с серебряной крышкой. Открыла — запах ударил в нос, сладкий, пряный, чуть дурманящий.

— А это что? — спросила я, кивая на третью склянку, которая стояла на бортике.

Старшая эльфийка чуть заметно приподняла бровь.

— Масло для кожи. После мытья.

— Хорошо, — сказала я и посмотрела ей прямо в глаза.

— Тогда, будьте любезны, оставьте меня. Я справлюсь. Или вы боитесь, что я украду ваше драгоценное мыло?

Она выдержала мой взгляд несколько мгновений. В её глазах мелькнуло что-то — то ли уважение, то ли раздражение. Потом она коротко кивнула и жестом подозвала остальных.

— Мы будем за дверью, — сказала она. — Если понадобится — позовите.

Они вышли. Я осталась одна в тёплой светящейся воде, с запахом цветов, с тихим шумом водопада и с мыслью, что, кажется, только что выиграла маленькую битву.

Глава 6

Я вышла из купальни распаренная, чистая, пахнувшая цветами и мёдом. Впервые за долгое время под ногтями не было муки, а в волосах — запаха дрожжей. Но радость длилась недолго.

Едва я переступила порог спальни, на меня накинулись эльфийки. Полотенце слетело с меня раньше, чем я успела пикнуть, и я снова стояла посреди комнаты абсолютно голая под их бесстрастными взглядами. Я машинально прикрылась рукой, но старшая эльфийка лишь щёлкнула пальцами, и меня начали вертеть, как куклу.

— Да вы издеваетесь, — процедила я сквозь зубы, но меня никто не слушал.

Одевание заняло вечность. Меня крутили, дёргали, затягивали шнуровку на спине так, что я едва могла дышать, поправляли подол, одёргивали рукава. Я чувствовала себя пи-рогом, который старательно закатывают в тесто: ещё немного — и меня защиплют по краям да поставят в печь.

— Дышите глубже, — неожиданно мягко сказала молодая эльфийка, поправляя мой воротник.

— Легко вам говорить, — буркнула я. — Вас не шнуруют так, что рёбра трещат.

Она едва заметно улыбнулась — впервые за всё утро. Или мне показалось.

Когда наконец всё было закончено, эльфийки отступили на шаг, оглядели меня с головы до ног, переглянулись — и молча вышли. Дверь закрылась, и я осталась одна.

Я повернулась к зеркалу — и замерла.

Из гладкой серебристой глади на меня смотрела совсем другая девушка. Почти эльфийка: изящная, с точёной шейей, с идеально уложенными волнами темных волос, которые тщательно расчесали до блеска. Платье сидело как влитое — тёмный шёлк подчёркивал талию, приподнимал грудь, а от бёдер расходилась пышная юбка, спереди открывающая колени. На ногах — изящные туфельки на небольшом каблучке, делавшие мою походку легче, чем я привыкла.

Я подошла ближе, вглядываясь в лицо.

— Ладно, — сказала я своему отражению. — Главное — не забыть, кто ты есть.

Я развернулась и пошла к двери. В коридоре было тихо, только мои шаги звонко отдавались от высоких стен. Я спустилась по лестнице, стараясь ступать уверенно, хотя внутри всё трепетало. Пальцы слегка дрожали, и я сжала их в кулаки, спрятав под складками юбки.

Король Нимлас ждал меня у дверей малого зала.

Он стоял, прислонившись плечом к колонне, скрестив руки на груди, и вид у него был такой, будто он не спал несколько ночей. Чёрный камзол сидел безупречно, серебряные пуговицы поблёскивали в свете магических ламп, волосы убраны назад, открывая лицо. Но под глазами залегла тень, а в

серебристых глазах — усталость, которую он не мог скрыть.

Он поднял взгляд, когда я приблизилась, и его брови чуть приподнялись — единственное проявление удивления, которое он себе позволил.

— Ты выглядишь иначе, — сказал он.

Я остановилась в паре шагов и окинула его ответным взглядом.

— Вы тоже, — ответила я. — Но я хотя бы не выгляжу так, будто меня только что откопали из-под лавины. Вы в порядке?

Он не ответил. Просто протянул мне руку — так, как вчера, когда помогал выйти из кареты. Я на мгновение замешкалась, но всё же вложила свои пальцы в его ладонь. Он осторожно сжал их и повёл меня к дверям.

— Идём. Придворные ждут.

— Ждут, чтобы съесть меня заживо? — уточнила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Или у вас тут принято сначала знакомиться?

Он чуть склонил голову, и я снова поймала это — едва заметное движение губ, почти усмешку.

— Ты не боишься, — сказал он. — Это редкость среди людей.

Я набрала воздуха и посмотрела прямо перед собой.

— Я боюсь, — честно ответила я. — Просто я предпочитаю злиться. Это продуктивнее.

Двери распахнулись — без звука, без скрипа, будто сам

воздух расступился перед нами. И мы вошли.

Зал был огромен. Настолько огромен, что у меня перехватило дыхание. Потолок терялся где-то в вышине, растворяясь в серебристой дымке, а по стенам струился белый камень, перетекающий в чёрный мрамор, как вода в ночь. Колонны, увитые серебряными лозами, поднимались к сводам, и по их стволам вились светящиеся листья. Люстры из хрусталя висели в воздухе, казалось, без всякой опоры, и светились не огнём — а лунным светом, собранным, как в ловушке. Он лился сверху, холодный и серебристый, заливая всё вокруг ровным, немигающим сиянием.

Пол был отполирован до такой степени, что в нём отражались лица присутствующих. Я видела их — расплывчатые, бледные, с глазами, устремлёнными на меня. И когда мы вошли, все эти лица — десятки лиц — повернулись ко мне одновременно. Как у стаи птиц, готовых взлететь.

Эльфы.

Все они были красивы. Все как один — высокие, тонкие, с глазами цвета холодных озёр или расплавленного металла. Они улыбались мне с идеальной вежливостью, и эти улыбки были ровно такими, как я их представляла: приклеенными, отточенными, не достающими до глаз. Безупречные лица, безупречные движения, безупречная ложь.

Но я видела больше.

Здесь, под сводами Лунного Двора, нити судьбы были видны особенно ясно. Серебряные, они струились от каждо-

го эльфа, переплетались, тянулись друг к другу и к трону — к Нимласу, к центру этой паутины. Но почти все они были тусклыми, словно покрытыми многолетней пылью. Некоторые обрывались, как у Нимласа, но не с мерцающей искрой на конце, а с тусклой, гниющей тьмой, что сочилась из обрыва, как старая рана.

И я видела, как все они сплетаются в единую сеть — красивую, опасную, живую. Сеть пульсировала, дышала, тянулась к каждому из них, обвивала их шеи, запястья, талии. И душила. Медленно, незаметно, но неумолимо. Они улыбались, разговаривали, смеялись — а сеть уже выросла в их плоть, и они этого не замечали.

Нимлас отпустил мою руку. Его пальцы скользнули по моей ладони, оставляя после себя тепло, и он слегка повернулся ко мне.

— Я отойду на минуту, — сказал он тихо, почти интимно, будто мы были одни. — Осмотрись здесь.

Я молча кивнула, будто он спросил моего разрешения. Но ему не нужен был мой ответ. Нимлас уже шагнул в толпу, и эльфы расступились перед ним, как волны перед носом корабля, а затем сомкнулись за его спиной, поглощая его.

Я осталась одна возле высокого столика с напитками в длинных хрустальных фужерах. Жидкость в них переливалась всеми оттенками серебра и синевы, пахла чем-то сладким и дурманящим. Я не притронулась.

Я сделала вдох. Глубокий, насколько позволял корсет. По-

пыталась улыбнуться так же, как все эльфы — легко, приветливо, пусто. Не вышло. Моя улыбка вышла кривой, как зеркало на нашей деревенской ярмарке, которое треснуло и собирало лица людей в странные, искажённые маски.

— Какой красивый зал, — сказала я вслух, и мой голос прозвучал громче, чем я планировала.

Несколько эльфов обернулись. Их улыбки не дрогнули, но глаза стали на долю секунды внимательнее.

— Жаль, что ваши улыбки здесь ценнее, чем правда.

Тишина. Настоящая, звенящая, как лопнувшая струна.

Даже музыканты замерли — скрипки повисли в воздухе, не успев закончить и последняя нота растаяла где-то под толком. Улыбки на лицах придворных дрогнули, как отражения в воде, в которую бросили камень. Кто-то переглянулся. Кто-то сделал вид, что не услышал, но я почувствовала, как воздух стал плотнее — тяжёлым, тягучим.

Из толпы выплыла женщина.

Высокая, с волосами цвета червонного золота, уложенными в сложную причёску, в платье, которое переливалось от тёмно-синего к фиолетовому, как крыло ночной бабочки. Ткань струилась, меняла оттенок при каждом её шаге, и казалось, будто она движется в собственном сиянии. Она остановилась передо мной с таким видом, словно только что обнаружила пятно на своём любимом ковре — и теперь решала, растереть его или вырезать.

— Вы невежественны, дитя, — произнесла она, и голос её

сочился мёдом, в котором плавала игла. — У нас эстетика выше правды.

Я смотрела на неё и чувствовала, как от её нити судьбы тянет гнилью — сладковатой, приторной, как от перезревших фруктов. Её нить была спутана с нитями трона, они переплелись, срослись, будто она уже давно срослась с этим местом, с этой властью. Она имела виды на место рядом с Нимласом. Или на место Нимласа, что, признаться, было вероятнее.

Я засмеялась. Не громко, но достаточно, чтобы все присутствующие услышали этот смех — короткий, колючий.

— Может быть, — ответила я, наклонившись чуть ближе и понизив голос так, чтобы слышала только она. — Но, судя по тому, как вы смотрите на короля, ваша эстетика не мешает вам хотеть его трон. Не так ли?

Её глаза сузились. Зрачки стали острее, как у кошки перед прыжком. Улыбка стала ещё шире, ещё безупречно, но я успела заметить, как на долю мгновения в её взгляде вспыхнуло что-то тёмное — злость, расчёт, удивление. Я задела её. Попала в цель.

— Вы слишком дерзки, — прошептала она, и голос её уже не сочился мёдом — он струился ядом.

— Я слишком свободна, — ответила я шёпотом, глядя ей прямо в глаза. — Пока что.

Она выдержала мой взгляд несколько долгих секунд. А потом — не нашла, что сказать. Просто отступила на шаг, развернулась и растворилась в толпе, оставляя за собой

шлейф из дорогих духов и сдержанной ярости.

А я осталась посреди зала. Одна, в кругу десятков взглядов, которые теперь были совсем не вежливыми. Кто-то шептался за моей спиной. Кто-то улыбался — холодно, оценивающе, как хищник, который выбирает, с какой стороны подойти к добыче. Я стояла, высоко подняв голову, и слушала, как в замкнутом пространстве Лунного Двора затягивается петля вокруг моей шеи.

Я оглянулась на Нимласа.

Он стоял в стороне, у высокого окна, окружённый эльфами в тёмных одеждах. Они что-то говорили ему, склоняясь почтительно, но я сразу заметила: его взгляд устремлён на меня. Не гневный, не раздражённый. Скорее — любопытный. Так смотрят на существо, которое оказалось сложнее, чем предполагали. Словно он ждал от меня не этого, но не был разочарован тем, что получил.

Он не вмешался. Он просто наблюдал. Бокал в его руке замер на полпути к губам, лицо оставалось бесстрастным, но в серебристых глазах я уловила нечто живое — острый, изучающий интерес. Мне стало не по себе от этого взгляда. Лучше бы он злился.

А потом я проследила за его взглядом. Вернее, поняла, что он смотрел не только на меня.

В другом конце зала, за окном, выходящим во внутренний двор, росло дерево. Оно было огромным, раскидистым — его ветви, должно быть, когда-то тянулись к небу, как ру-

ки, вызывающие к свету. Но ствол был серым, как пепел, кора потрескалась и облупилась, а ветви стояли голые, мёртвые, без единого листа. Только на самой верхушке дрожал одинокий серебряный лист. Он светился слабо, тускло, пульсируя в такт чему-то едва уловимому — как последняя искра в остывающем костре.

Серебряное Древо. Я поняла это сразу, хотя никто мне не говорил. Знала так же ясно, как знаю, когда хлеб готов вынимать из печи. И я видела его нити — чёрные, гнилые, они оплетали корни, тянулись к ним со всех сторон, как щупальца, и медленно, неумолимо высасывали из дерева жизнь. Они пульсировали, питались, и от них тянуло сладковатой гнилью.

Я опустила взгляд. Пальцы дрожали. Схватила с подноса бокал — первый попавшийся — и осушила его одним глотком. Вино оказалось горьковато-сладким, тёплым, обожгло горло, и по телу разлилось непривычное тепло. Кровь прилила к щекам, я облизнула губы, почувствовав на языке терпкий привкус, и, не позволяя себе задуматься, уверенно зашагала через зал к Нимласу.

Все взгляды липли ко мне, как мухи к мёду. Я чувствовала их на спине, на плечах, на затылке. Кто-то шептался, кто-то неприкрыто скалился, кто-то смотрел с холодным интересом. Я шла, высоко подняв голову, стараясь не споткнуться о собственный подол, и повторяла про себя: я просто иду поговорить с королём. Просто иду поговорить.

Эльф, с которыми Нимлас беседовал, растворились в толпе, стоило мне приблизиться. Он стоял один, у самого окна, и смотрел на дерево во дворе. Я подошла, встала рядом. Нас разделял локоть расстояния, но я чувствовала, как от него исходит холод — ровный, тихий, привычный.

— Оно умирает, — сказала я тихо, глядя туда же, куда и он.

Он не обернулся. Просто стоял, неподвижный.

— Да.

— И вы хотите, чтобы я его спасла.

Пауза.

Медленно, очень медленно он повернул голову ко мне. В его серебристых глазах я увидела то, чего не видела раньше: отчаяние. Глубокое, старое, почти выцветшее, спрятанное под слоями льда и приличий.

— Да.

Тишина.

Мы смотрели на дерево, а вокруг нас продолжали шептаться придворные, как стая змей: шорох платьев, звон бокалов, приглушённые слова.

— А что будет со мной, если я его спасу? — спросила я тихо.

Нимлас медленно повернул голову. В лунном свете, сочащемся из высоких окон, его глаза казались почти белыми — серебристо-серые. Он смотрел на меня в упор, и впервые я видела его без маски. Усталость — глубокая, застарелая,

как трещина в камне, о которую спотыкаешься и никак не можешь обойти. Боль, въевшаяся под камзол так давно, что проросла в кости, стала частью его существа. И что-то ещё. Что-то, похожее на надежду. Но надежду, которую он сам ненавидел, потому что она обжигала каждый раз, когда он позволял себе в неё поверить.

— Ты станешь королевой, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, без интонаций, будто он читал приговор. — Или ты погибнешь. Я не знаю.

Я хмыкнула. Коротко и резко.

— Отличный выбор. Либо корона, либо могила. Вы умеете заинтересовать девушку, Ваше Высочество.

Он не улыбнулся. Но я заметила, как его плечи чуть опустились. Будто он выдохнул то, что держал в себе годами, и впервые позволил себе поверить, что не ошибся.

— Идём, — сказал он и протянул мне руку. — Вечер ещё не закончился. Нам предстоит выдержать ещё дюжину улыбок и кинжалов в спину.

— Я думала, это одно и то же, — ответила я, вкладывая ладонь в его.

Его пальцы были холодными. Но на этот раз он сжал мою руку чуть крепче, и удержал на мгновение дольше, будто проверяя, не выдерну ли я её. Я не выдернула.

Мы вернулись в центр зала. Придворные расступались перед нами и смыкались за спиной, оставляя после себя шёпот. Я чувствовала их взгляды — они липли к моей спине, к пле-

чам, к затылку, как репы к подолу, вытащенные из леса. Но я высоко подняла подбородок, расправила плечи и шла так, будто это не я была чужой здесь, а они — случайные гости в моём доме. Пусть думают, что хотят. Пусть точат когти. Я уже здесь, и это уже моя игра.

Внутри меня пульсировала мысль. Она билась о рёбра, как пойманная птица, но я не позволила ей вылететь наружу. Не здесь. Не перед ними. Она шёпотом ворочалась в голове, повторяя снова и снова: «Я не для того выживала в деревне, чтобы умереть здесь красивой смертью. Если это моя клетка — я заставлю этих птичек плясать под мою дудку».

Я скользнула взглядом по лицам эльфов — надменным, безупречным, запертым в собственную ложь. По золотоволосой женщине, которая смотрела на меня с ненавистью, прикрытой вежливостью, как крышкой от дорогой шкатулки. По старику с острыми скулами, который поглаживал бокал и оценивал меня, как лошадь на ярмарке. По молодой эльфийке, которая улыбалась мне так, будто уже видела мой труп.

И пусть пока я была всего лишь мухой в хрустальной банке — я уже начинала замечать, где у этой банки открывается крышка. Оставалось только дотянуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.